

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

Приключения бригадира Жерара

Санкт-Петербург

Приключения
бригадира Жерара

ДЯДЮШКА БЕРНАК

Мемуары адъютанта французского императора

Глава первая БЕРЕГ ФРАНЦИИ

Смело могу сказать, что я прочел письмо дядюшки не менее ста раз, и уверен, что выучил его наизусть. И все же, когда суденьшко контрабандистов на всех парусах мчало меня к берегам Франции, я снова вынул письмо из кармана и, прислонясь к борту, внимательнейшим образом принялся читать, словно видел его впервые.

Письмо было написано резким, угловатым почерком — так и должен писать человек, начавший жизненный путь деревенским стряпчим, — и адресовано мне — Луи де Лавалю. В качестве почтальона выступил некий Вильям Харгрев, хозяин гостиницы «Зеленый молодец» в Эшфорде, графство Кент. Он регулярно получал изрядное количество бочек контрабандного коньяка из Нормандии. С очередной партией незаконного товара передали и это письмо.

Мой дорогой племянник Луи, — гласило оно, — после кончины твоего бедного отца ты остался один в целом свете, и я уверен, ты не захочешь продолжать вражду, которая исстари ведется в нашей семье. В дни революции твой отец открыто перешел на сторону короля, тогда как я всегда оставался на стороне народа. Ты знаешь, к каким печальным последствиям привел поступок твоего отца: ему пришлось покинуть родину, и принадлежавшее вам имение Гробуа перешло ко мне.

Я понимаю, как тяжело тебе было примириться с потерей родового имени, но признай — все же лучше видеть это имение в руках родственника, чем посторонних людей. Смеею заверить, что у меня, брата твоей матери, ты встретишь только любовь и уважение. А теперь позволь мне дать тебе несколько полезных советов.

Ты знаешь, я всегда был республиканцем, но с течением времени осознал, что любая борьба против власти Наполеона обречена на провал, поэтому я предпочел перейти к нему на службу; недаром говорят: с волками жить — по-волчьи выть.

Наполеон умеет ценить талантливых людей, и я быстро заслужил его доверие; мало того, я стал его самым близким другом, и он сделает все, что я попрошу. Ты, вероятно, знаешь, что в настоящее время Наполеон, во главе своей армии, находится всего в нескольких милях от Гробуа. Если бы ты захотел поступить к нему на службу, несомненно, он забыл бы о ненависти твоего отца и не отказался бы вознаградить услуги твоего дяди. Несмотря на то что твое имя в глазах Императора несколько запятнано, я имею на него достаточно большое влияние, чтобы изменить его мнение. Доверься мне и приезжай, ибо вполне можешь положиться на преданного тебе дядю.

Ш. Бернак

Собственно говоря, меня поразило и взволновало не само письмо, а то, что я нашел на обороте. Письмо было запечатано четырьмя печатями красного сургуча, — очевидно, дядя употребил для этого большой палец, потому что на сургуче ясно виднелись следы грубой, облупившейся кожи. А на одной из печатей было написано по-английски: «Не приезжай». Если эти слова были поспешно нацарапаны дядей ввиду каких-нибудь неожиданных изменений, то к чему было посылать письмо? Скорее, меня предостерегал неизвестный друг, тем более что письмо написано по-французски, а загадочное предупреждение — по-английски. Но печати не были сломаны, стало быть в Англии никто не знал содержание письма.

И вот, сидя под парусом и глядя на зеленоватые волны, с мерным плеском ударявшиеся о борт судна, я стал припоминать все, что мне было известно о далеком дяде — господине Бернаке.

Мой отец, гордившийся своим происхождением из стариннейшего рода Франции, женился на девушке редкой красоты и прекрасных душевных качеств, но из менее знатной семьи. Правда, она никогда не давала ему повода раскаиваться в своем выборе; зато ее брат, человек низкий, был невыносим своей рабской угодливостью в пору благоденствия нашей семьи и злобной ненавистью в тяжелые дни. Во время революции он восста-

новил крестьян против моего отца, и тот оказался вынужден бежать из родного имения и покинуть пределы Франции. Затем мой дядя сделался ближайшим подручным Робеспьера¹ в его самых страшных злодеяниях, за что и получил в награду наше родовое имение Гробуа.

После падения Робеспьера он перешел на сторону Барраса², с каждой сменой правительства прибирая к рукам все новые и новые богатства. Из вышеприведенного письма сего достойного гражданина явствует, что ему благоволит сам император, хотя как-то не верилось, что человек со столь сомнительной репутацией, к тому же бывший республиканец, мог оказать существенную услугу императору.

Вам, вероятно, интересно знать, почему я все-таки принял предложение дядюшки, предавшего моего отца и остававшегося врагом нашей семьи на протяжении многих лет? Теперь это легче объяснить, чем тогда. Мы — я имею в виду молодое поколение — чувствовали полнейшую бесполезность продолжать раздоры стариков. Мой отец, казалось, навсегда остался в тысяча семьсот девяносто втором году. Он сохранил в неприкосновенности мысли и чувства той эпохи. Он словно окаменел, пройдя через это горнило.

Но мы, выросшие на чужой земле, сознавали, что жизнь ушла далеко вперед, что пора перестать жить далеким прошлым и не терзаться воспоминаниями о счастливых годах, проведенных в родном гнезде. Мы пришли к убеждению, что надо забыть раздоры и распри старшего поколения. Для нас Франция уже не была страной кровожадных санкюлотов³, страной бесчисленных казней на гильотине. То время кануло в Лету.

---

¹ *Робеспьер Максимилиан* (1758–1794) — фактический руководитель революционного правительства в период Великой французской революции и до сегодняшнего дня наиболее спорный из ее деятелей — был казнен 28 июля 1794 г.

² *Баррас Поль Франсуа* (1755–1829) — политический деятель времен Великой французской революции, содействовал приходу Наполеона к власти.

³ *Санкюлоты* (от фр. *sans* — без и *culotte* — короткие штаны) — термин времен Великой французской революции. Первоначально аристократы презрительно называли так простолюдинов, носивших длинные брюки (в отличие от дворян и буржуа, носивших короткие штаны с шелковыми чулками), затем санкюлотами стали называть себя сами революционеры.

В нашем воображении родная земля представляла в ореоле славы; теснимая со всех сторон врагами, Франция звала рассеянных повсюду сынов своих к оружию. Ее воинственный клич волновал сердца изгнанников и заставил меня принять предложение дяди, устремившись по водам Ла-Манша к берегам дорогой отчизны. Сердцем я всегда был во Франции и в мыслях боролся с ее врагами. Но пока был жив мой отец, я не смел открыто высказывать этих чувств: ему, сражавшемуся при Киброне¹ под началом принца Конде, такая любовь показалась бы гнусной изменой.

Однако после его смерти ничто не могло удержать меня вдали от родины, тем более что и моя возлюбленная, ставшая впоследствии моей женою, настаивала на необходимости исполнить свой долг перед отчизной. Она происходила из старинного рода Шуазель, после своего изгнания возненавидевших Францию даже сильнее моего отца. Наши родители мало заботились о том, что происходило в душах их детей, и, пока старики, сидя в гостиной, с грустью читали о новой Франции, мы с Эжени уединялись в саду, чтобы никто не мешал нам радоваться жизни. По вечерам мы сидели около дальнего окошка, скрытого зарослями кустов. Наши убеждения совершенно не совпадали со взглядами окружающих; мы чувствовали свою отчужденность, которая, собственно, и сблизила нас. Мы ценили друг друга, находя в нашей дружбе нравственную поддержку и утешение в трудные минуты. Я делился с Эжени своими мыслями и планами, а она не давала мне впасть в уныние. Между тем время шло, и вот я получил письмо от дяди.

Была и другая причина, заставившая меня принять дядюшкино приглашение: положение изгнанника нередко доставляло мне невыразимые мучения. Я не мог пожаловаться на англичан вообще. По отношению к нам, эмигрантам, они выказали столько сердечной теплоты, столько истинного радушия, что, думаю, не найдется никого, кто не сохранил бы о стране, приютившей нас, и ее обитателях самого теплого воспоминания. Но в любом месте, даже в столь культурном, как Англия, всегда найдутся люди, которые испытывают непонятное наслаждение, оскорбляя других; они с радостью отворачиваются от попавших в беду ближ-

---

¹ Сражение между флотами Великобритании и Франции в бухте Киброн (Бискайский залив Атлантического океана) 20 ноября 1759 г.

них. Даже в патриархальном Эшфорде нашлось немало людишек, которые всячески старались досаждать эмигрантам, отравляя нашу и без того нелегкую жизнь. К их числу относился и молодой кентский помещик Фарлей, наводивший на город ужас своим буйством. Он не мог спокойно пропустить ни одного из нас, не сказав вдогонку что-нибудь обидное, притом не по адресу французского правительства, как это водится у английских патриотов; нет, его оскорбления задевали нас как французов. Часто нам приходилось с видимым безразличием выносить его гнусные выходы, подавляя праведный гнев. Молча выслушивали мы все его насмешки и издевательства, но пришел день, когда чаша моего терпения переполнилась и я решил проучить негодяя. Однажды вечером мы собрались за ужином в гостинице «Зеленый молодец». Фарлей был там же; опьянев почти до невменяемости, он, по обыкновению, стал выкрикивать оскорбления в наш адрес. Я заметил, что Фарлей не сводил с меня глаз, следя за тем, какое впечатление производит на меня его брань.

— А теперь, господин Лаваль, — вдруг крикнул он, грубо положив руку мне на плечо, — позвольте предложить вам тост, к которому вы не откажетесь присоединиться. За Нельсона¹, пусть он наголову разобьет французов! Фарлей стоял передо мною с бокалом и нагло смеялся, — вероятно, он ждал, что я откажусь.

— Хорошо, — сказал я, — но с условием, что и вы выпьете со мной за то, что потом предложу я.

— Прекрасно, — сказал он, чокаясь со мной. Мы выпили. — Ну а теперь, мусью, давайте ваш тост, — сказал Фарлей.

— Налейте себе.

— Уже налил.

— За победу французского оружия над Нельсоном!

Ответом был бокал вина, брошенный мне в лицо. Через час мы уже дрались на дуэли. Я прострелил ему плечо, и ночью, когда я пришел к заветному окошку, Эжени вплела в мои волосы несколько веток лавра, в изобилии росшего вокруг.

Местные власти не сочли нужным вмешиваться в нашу ссору. Тем не менее мое дальнейшее пребывание в городе стало невоз-

---

¹ *Нельсон Горацио* (1758–1805) — английский флотоводец, вице-адмирал. В Трафальгарском морском сражении (у мыса Трафальгар в Испании) 21 октября 1805 г. английский флот под командованием Нельсона наголову разгромил франко-испанский флот. Но сам Нельсон погиб.

можным; это обстоятельство и явилось последним толчком, побудившим меня, не колеблясь, принять предложение дядюшки вопреки странному предостережению, которое я нашел на конверте его письма. Если влияние дяди на императора было действительно столь велико, что я мог вернуться на родину, и Наполеон великодушно забыл о причине изгнания нашей семьи, то тогда исчезала единственная преграда, отделявшая меня от родной земли.

Итак, парусное судно несет меня к берегам, где я некогда наслаждался счастьем в кругу семьи. Я пребывал в глубокой задумчивости, вспоминая прошлое и строя планы на будущее, как вдруг мои размышления были прерваны: шкипер грубо тянул меня за рукав.

— Вам пора сходить, мистер, — сказал он.

В Англии я привык сносить оскорбления, никогда не теряя чувства собственного достоинства. Я осторожно оттолкнул его руку и сказал, что до берега еще весьма далеко.

— Поступайте как знаете, господин хороший, — бесцеремонно ответил он, — но я дальше свой корабль не поведу. Так что, если вам нужно на берег, залезайте в лодку или отправляйтесь вплавь.

Все мои доводы, в том числе и напоминание, что я заплатил за переезд до самой Франции, оказались тщетными. Умолчал я лишь о том, что деньги, врученные ему, были получены мною за часы, принадлежавшие трем поколениям де Лаваль и проданные теперь одному ростовщику в Дувре.

— Ну хватит! — вдруг крикнул он. — Эй, убрать парус! А вы, мистер, или покиньте корабль, или возвращайтесь со мной в Дувр. Впереди рифы, и я не собираюсь рисковать «Лисицей» в такой зюйд-ост: он того и гляди перейдет в шторм.

— В таком случае я предпочту сойти, — сказал я.

— Учтите только: это может стоить вам жизни, — заметил он и разразился таким вызывающим смехом, что я чуть не бросился на нахала. Но что делать? Среди матросов, быстро пускающих в ход кулаки, я был совершенно беспомощен. Маркиз Шамфор рассказывал мне, что, когда он, став эмигрантом, поселился в Саттоне, ему выбили зубы за попытку возразить подобным господам. Увы, мне пришлось примириться с печальной необходимостью, и, пожав плечами, я спустился в приготовленную

мне лодку. С борта сбросили мои пожитки. Только представьте себе: наследник именитого рода де Лаваль путешествует с узелком вместо багажа! Два матроса оттолкнули лодку и сильными, мерными ударами весел направили ее к берегу.

Ночь, по-видимому, грозила неминуемым штормом. Черные тучи, закрывшие последние лучи заходящего солнца, внезапно превратились в клочья, и те быстро мчались по небу во все стороны, заволакивая его густой мглой. На западе, подобно гигантскому пламени посреди черных клубов дыма, мглу прорезывал багрово-огненный закат. Матросы с тревогой поглядывали то на небо, то на берег. Я боялся, что они, опасаясь шторма, повернут назад. Каким смутением наполнялась моя душа, когда кто-нибудь из них тревожно всматривался в небо! Чтобы отвлечь их внимание, я начал расспрашивать их об огнях, все чаще загоравшихся во тьме.

— К северу отсюда лежит Булонь, а к югу — Этапль, — вежливо ответил один из гребцов.

Булонь! Этапль! В избытке радости я не находил слов. Сколько светлых, радостных картин вставало передо мной! Ребенком меня возили в Булонь на летние купания. Никогда не забыть мне милого прошлого, когда я, совсем еще дитя, чинно вышагивал рядом с отцом по берегу моря. Как удивлялся я тому, что рыбаки

отворачивались, едва завидев нас! Об Этапле у меня остались иные воспоминания: именно оттуда нам пришлось бежать в Англию. И пока мы шли, покидая собственный дом, обреченные на изгнание, мучимые сознанием предстоящих бедствий и унижений, народ, неистово шумя, толпился на мысе, далеко выдававшимся в море, и провожал нас взорами, исполненными ненависти и злобы. Наверное, до самой смерти не забыть мне тех минут! Иногда отец оборачивался и повелительным тоном приказывал им остановиться. И тогда я присоединял свой детский голосок к его мощному голосу, ибо из толпы, охваченной слепой яростью, в нас полетели камни, и один попал матери в ногу. Да и мы сами обезумели от гнева и ужаса...

Наконец-то я снова увижу родину, где протекло мое детство! Вот она — Франция; всего в десяти милях находится мой собственный замок, мои собственные земли в Гробуа, которые принадлежали нашему роду задолго до того, как французы во главе с Вильгельмом Завоевателем отправились отсюда покорять Англию.

Как я вперял свой взор в окружавшую нас тьму, силясь рассмотреть далекие башни нашего замка! Один из моряков совершенно иначе истолковал мои действия и, стараясь угадать мою мысль, заметил:

— Очень удобный, уединенный берег. Здесь многие нашли убежище. Я им тоже помогал, как и вам.

— За кого же вы меня принимаете? — недоуменно спросил я.

— Это не мое дело, сударь. Существуют занятия, о которых не принято говорить вслух.

— Неужели вы считаете меня контрабандистом?

— Вы это сами сказали. Да впрочем, не все ли равно? Наше дело доставить вас на берег.

— Даю честное слово, что вы ошибаетесь! Я не контрабандист.

— Значит, вы беглый арестант.

— Нет!

Моряк задумчиво оперся о весло и с подозрением взглянул на меня.

— Да вы, случаем, не наполеоновский ли шпион? — резко спросил он.

— Шпион? Я?!

Мой тон рассеял его гнусное подозрение.

— Ну да ладно, — сказал он. — Тогда только совсем в толк не возьму, кто вы такой. Но, окажись вы шпионом, я б и пальцем не пошевелил, чтоб перевезти вас. И плевать мне на приказ шкипера!

— Не забывай, что нам грех жаловаться на Бонапарта, — низким хриплым голосом заметил второй гребец, молчавший до сих пор, — он всегда был добр к нам.

Меня очень удивили его слова, потому что в Англии ненависть к французскому императору достигла апогея; все слои населения объединились в своей ненависти и презрении к нему. Но матрос не замедлил пояснить свою мысль.

— Сейчас положение бедных моряков стало лучше, мы в состоянии свободно вздохнуть, и за все спасибо Бонапарту, — сказал он. — Купцы уже получили свое, теперь и наш черед.

Я вспомнил, что Бонапарт завоевал определенную популярность среди контрабандистов, которые прибрали к рукам всю торговлю Ла-Манша. Моряк указал мне на черные, мрачные волны бушующего моря.

— Бонапарт сейчас вон там, — сказал он.

Читатель, ты живешь в более спокойное время, и тебе трудно понять, почему при этих словах невольная дрожь пробежала по моему телу. Всего десять лет назад мы впервые услышали его имя. Вдумайтесь, всего десять лет! Простому смертному хватило бы их только на то, чтобы стать офицером, а Бонапарт за это время из неизвестного стал великим. Первый месяц все спрашивали друг друга, кто он, а в следующий он как опустошающий вихрь пронесся по Италии. Под ударами смуглого и не слишком воспитанного выскочки пали Генуя и Венеция. На поле битвы он внушает непреодолимый страх солдатам, а в спорах с политиками и министрами всегда выходит победителем. С безумной отвагой устремляется он на Восток, и, пока все изумляются небывалому походу, превратившему Египет во французскую провинцию¹, Бонапарт уже снова в Италии и наголову разбивает австрийцев.

---

¹ Египетская экспедиция 1798–1801 гг. французской армии во главе с генералом Наполеоном Бонапартом, которая была предпринята с целью завоевания Египта и подготовки базы для удара по владениям Англии в Индии, закончилась неудачей: в 1801 г. французские войска в Египте были вынуждены капитулировать (сам Бонапарт вернулся во Францию еще в 1799 г.).

Он переходит с места на место почти с такой же быстротой, с какой распространяется слух о его появлении. И где бы он ни появился, враги его терпят поражения. Карта Европы, благодаря его завоеваниям, значительно изменила свой облик: Голландия, Савойя, Швейцария существуют теперь только номинально, на самом деле эти страны — часть Франции. Владения Франции врезались в Европу по всем направлениям. Этот артиллерийский офицер достиг высшей власти в стране и без малейшего усилия раздавил революционную гидру, пред которой трепетали король и дворянство Франции.

Бонапарт продолжал войну, а мы следили за его молниеносными, как орудия рока, походами; его имя всегда связывалось с новыми подвигами и успехами. В конце концов мы стали смотреть на него как на человека сверхъестественного, покровительствующего Франции и угрожающего всей Европе. Присутствие этого исполина, казалось, ощущалось на всем материке, и обаяние его славы, его власти и силы было так для меня неотразимо, что, когда моряк, показав в сторону темнеющей бездны моря, воскликнул: «Бонапарт сейчас там!» — во мне мелькнула безумная мысль: не увижу ли я там исполинскую фигуру, гения стихий, исполненного угрозы, замышляющего что-то ужасное и носящегося над водами Ла-Манша?¹ Даже теперь, по прошествии стольких лет, после всего, что случилось, и после известия о падении Наполеона, я чувствую на себе неизбывную власть его обаяния. Что бы вы ни читали и что бы вы ни слышали об императоре, вы не в силах понять, чем было для нас его имя в те дни, в дни его славы!

Мы приближались к долгожданному берегу. На севере тянулся низкий мыс (названия его не припомню); в вечернем освещении его сероватые очертания меняли свой цвет на тускло-красное сияние остывающего раскаленного железа. В эту штормовую ночь темные воды, то видимые, то, казалось, исчезавшие, когда лодка взлетала на гребень волны, словно таили в себе какое-то смутное

---

¹ Данное место и чуть ниже, где речь идет об огромной шпаге, весьма знаменательно: оно служит ключом к пониманию названия другого романа Конан Дойла из наполеоновского цикла — «Гигантская тень». Эта огненная шпага и отбрасываемая ею гигантская тень символизируют у Конан Дойла смертельную опасность, нависшую над Англией. — *Примеч. перев.*

предостережение. Полоса красных огней на суше походила на огромную шпагу, указывающую в сторону Англии.

— Что это? — не выдержал я.

— Мы уже говорили вам, сэръ, — ответил моряк. — Одна из армий Бонапарта с ним самим во главе. Это огни его лагеря. Дальше до Остенде будет еще с дюжину таких же лагерей. Этот малыш Наполеон, пожалуй, двинется на Англию, если сумеет усыпить бдительность Нельсона. Бонапарт ждет лишь удобной минуты, но пока что удача от него отвернулась.

— Откуда же лорд Нельсон получает известия о Наполеоне? — спросил я, сильно заинтригованный последними словами матроса.

Тот молча указал мне куда-то поверх моего плеча — казалось, в беспредельную мглу; но, приглядевшись повнимательнее, я рассмотрел три слабо мерцавших огонька.

— Сторожевые суда, — пояснил он хриплым голосом.

— «Андромеда», сорок четыре орудия, — добавил его товарищ.

Моему воображению ярко освещенный берег и огни на море представились вдруг как стоящие лицом к лицу гении-великаны, властители двух враждебных друг другу стихий — суши и моря, готовые сразиться в последней исторической битве, которая изменит судьбу народов Европы. И я, француз душою, не мог не понимать, что исход этой битвы уже предreshен! Борьба между вымирающей нацией, численность которой сокращается, и нацией быстро растущей, с сильным, энергичным молодым поколением, в котором жизнь бьет ключом. Падет Франция — и она вымрет; если будет побеждена Англия, то вместе с ее кровью множество народов воспримет ее язык, ее обычаи! Какое громадное влияние окажет она на историю!

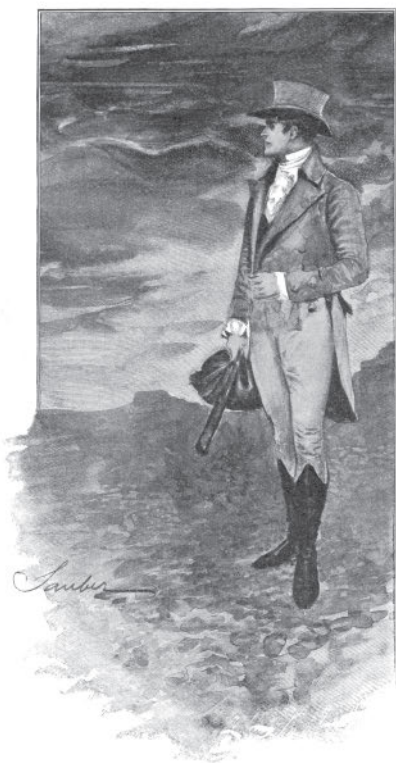
Очертания берега становились резче, и все отчетливее слышался шум прибора. Вдруг из мглы выскользнула длинная лодка и направилась прямо к нам.

— Сторожевая лодка! — воскликнул один из моряков.

— Билл, мы попались! — ответил второй, пряча что-то в сапог.

Но лодка быстро скрылась из виду: со всей стремительностью, какую ей могли сообщить четыре пары весел в руках самых лучших гребцов, она понеслась в другом направлении. Моряки следили за нею, и их лица прояснились.

— Да они, видать, чувствуют себя не лучше нашего, — сказал один из них. — Уверен, это разведчики.

— Сдается мне, сегодня вы не один пожелали высадиться на этом берегу, — заметил его товарищ. — Но кто бы это мог быть?

— Будь я проклят, если знаю! Из-за них пришлось ссыпать в сапог добрый мешок тринидадского табака. Я уже имел счастье познакомиться с французской тюрьмой изнутри и не стремлюсь побывать там снова. Поднажмем, Билл!

Спустя несколько минут лодка с неприятным стуком врезалась в песчаный берег. Пожитки мои выбросили на берег, и скоро я очутился рядом с ними. Один из моряков столкнул лодку в во-

ду, прыгнул в нее, и мои спутники стали стремительно удаляться от берега.

Кровавый отблеск огней на западе пропал, грозовые тучи застлали все небо, густая черная мгла нависла над океаном. Пока я следил за удалявшейся лодкой, резкий, сырой, пронизывающий ветер дул мне в лицо. Его завываниям вторил глухой рокот моря.

Вот так, ночью и в шторм, ранней весной тысяча восемьсот пятого года я, Луи де Лаваль, на двадцать первом году жизни после тринадцатилетнего изгнания вернулся в страну, где наш род в течение многих веков был украшением и опорой престола. Неласково обошлась с нами Франция: за верную службу она отплатила оскорблениями, изгнанием и конфискацией имущества. Но все было забыто, когда я, единственный оставшийся в живых из рода де Лаваль, опустился на колени на священной для меня родной земле, прильнул губами к влажному гравию и мне в лицо ударил резкий запах водорослей.